

Андрей Дмитриевич Михайлов, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института мировой литературы РАН, родился в Москве в 1929 году. В 1955 г. окончил романо-германское отделение филологического факультета МГУ. В 1958 г. окончил аспирантуру Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР. Во время обучения в университете, в аспирантуре и последующее десятилетие занимался в основном широким кругом проблем, связанных с литературой и культурой эпохи Возрождения, что не мешало ему обращаться к творчеству писателей иных эпох (Ростан, Мариво, Стендаль, Мериме и др.). С начала 70-х годов А. Д. Михайлов стал усиленно заниматься медиэвистикой, чему посвящены три его монографии: «Французский рыцарский роман и вопросы типологии жанра в средневековой литературе» (1976, 2-е изд. 2006), «Старофранцузская городская повесть (фаблио) и вопросы специфики средневековой пародии и сатиры» (1986, 2-е изд. 2006), «Французский героический эпос. Вопросы поэтики и стилистики» (1995). С конца 80-х годов занимается изучением творчества Марселя Пруста.

А. Д. Михайлов является заместителем Председателя редколлегии серии «Литературные памятники» (в этой серии им подготовлено не менее пятнадцати научных изданий). Был членом Главной редакции «Истории Всемирной литературы». Является членом редколлегии журнала «Известия РАН. Серия литературы и языка».

А. Д. МИХАЙЛОВ * СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЛЕГЕНДЫ И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ

А. Д. МИХАЙЛОВ

S E R I E S M I N O R

А. Д. МИХАЙЛОВ

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЛЕГЕНДЫ И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А. М. ГОРЬКОГО

А. Д. МИХАЙЛОВ

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЛЕГЕНДЫ И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва

2006

ББК 83.3(0)9
М 69

Михайлов А. Д.

М 69 Средневековые легенды и западноевропейские литературы / Рос. академия наук; Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. — М.: Языки славянской культуры, 2006. — 264 с. — (Studia philologica. Series minor).

ISBN 5-9551-0150-0

В этой книге собраны работы, посвященные некоторым легендам Средневековья. На сложных путях от мифа к литературе, по крайней мере, в рамках средневековой культуры, всевозможным легендам принадлежит доминирующая роль. Включенные в эту книгу исследования преследуют каждый раз одну и ту же цель — выявить пути формирования средневековых легенд, особенности их функционирования и их последующую судьбу.

ББК 83.3

*В оформлении переплета использована картина Ф. У. Бертона
«Свидание в башне», 1864; на задней стороне переплета —
А. Д. Михайлов и Тоша. Фотография С. Оде (Нидерланды)*

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 5-9551-0150-0

© А. Д. Михайлов, 2006
© Языки славянской культуры, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	7
Артуровские легенды и их эволюция	12
История легенды о Тристане и Изольде	65
1. Легенда	65
2. Параллели	101
3. Источники	122
4. Эволюция	135
5. Судьба	169
Гильом Оранжский в исторических легендах и эпической традиции	175

ОТ АВТОРА

На сложных путях от мифа к литературе, по крайней мере в рамках средневековой культуры, заняли свое место легенды. Можно с уверенностью сказать, что почти вся литература Средневековья легендарна. Все сюжеты ее — это так или иначе разработанные, осмысленные, изложенные легенды. Причем в большинстве своем легенды эти — свои, локальные, местные, то есть тоже средневековые исключительно. Они не являются ни в коей мере пересказом архаичных мифов, они берут из таких мифов только отдельные мотивы, только определенный взгляд на действительность, только к этой действительности отношение. Так, среди памятников литературы Средних веков мы не найдем ни растиражирования космогонических мифов, ни рассказов, простых и незамысловатых, о первопредках о культурных героях, о духах, вмешивающихся в судьбы людей, в судьбы племени или социума. Но отдельные черты и первопредков, и культурных героев, и, особенно, беспокойных духов в персонажах средневековых легенд отыскиваются легко. Для средневековых легенд отдельные сюжеты и мотивы архаичных мифов — это благодарный строительный материал. Так что здесь нет рубежа, нет противостояния. Даже напротив. Из мифов пришли в средневековые легенды мотивы противоборства с великанами, с полуфантастическими чудовищами, вообще со сверхъестественными силами, мотивы плаванья наугад по бурному морю без весел и паруса или опасного блуждания в лесных дебрях. Правда, черты эти подчас едва заметны, так как являются не основой сюжета, а приемами его оформления. Это скорее лишь только следы. Они могут быть смутными остатками былых мифов, каким-то образом застрявшими в повествовании, в изложении легенды и не играющими никакой роли в развитии сюжета; таковы, например, лошадиные уши короля Марка в ряде версий легенды о Тристане и Изольде. Дело в том, что, в отличие от легенд, мифы раскрывают и объясняют глубинные процессы бытия — создание человека, сложение племени или рода, взаимоотношения их с окружающей природой, с высшими, надмирными силами, нередко принимающими

антропоморфные формы. С легендами — иначе. В отличие от достаточно статичных, немногословных мифов, легенды подвижны, изменчивы и в своих терминах могут описывать как кардинальные моменты существования средневекового общества и средневекового человека — государственное строительство, «собрание земель», отпор слишком настойчивым иноземцам, так и более частные, более личностные ситуации — взаимоотношения внутри не только племени или рода, но и внутри семьи, рыцарское побратимство, рыцарственную «любовь издалека», поиски каких-либо заветных предметов, в том числе поиски невесты (в данном случае влияние мифов, «память» о них еще достаточно ощутимы), и просто по сути дела бессельные поиски приключений.

Корни мифов уходят в глубокую архаику, корни легенд — здесь, перед нами, они по большей части лежат на поверхности. Мифы универсальны, средневековые легенды конкретны и по своему историчны. Историчны двояко — они повествуют о каком-либо историческом факте, придавая ему достаточно внушительные масштабы (ведь сам исторический факт может быть и вполне незначительным, вроде битвы в Ронсевальском ущелье; битва, видимо, действительно имела место, но ничего не решала, а ее основной участник, рыцарь Роланд, был слишком незначительным историческим персонажем). Но историзм легенды может быть и иным. Некоторые легенды окрашивают в загадочные, феерические тона повествование о судьбах того или иного знатного рода, вроде увлекательного рассказа об обольстительной деве-змее, или деве-птице Мелюзине, сыгравшей заметную роль в укреплении рода Лузиньянов.

Повторим: в основе средневековых легенд лежит, как правило, какое-то историческое событие, которое может теряться в глубине веков, либо быть относительно недавним. В любом случае рассказ о таком событии или о некоем значительном персонаже оформляется в легенде по определенным стандартам, нередко заимствованным из мифологической архаики. И этому не противоречит основная идеологическая установка средневековых легенд: в большинстве из них либо как непреломный фон, либо как основной смысл легенды присутствует

идея противостояния двух миров, находящихся в непримиримом антагонизме. Героями очень многих легенд оказываются борцы за веру, что равносильно героям, отстаивающим интересы родной страны, ее силы, ее государственности. Конфессиональные конфликты лежат в основе очень многих средневековых повествований. Вот почему христианские идеи играют в средневековых легендах такую большую роль (и это является отражением реально существовавшего непримиримого столкновения христианского мира с миром «неверных»). Ряд легенд, не имеющих далеких, глубинных корней, посвящен открытой и незамысловатой конфронтации христианского мира с миром нехристианским. Первый, христианский мир в таких легендах непременно торжествует, наиболее яркие его оппоненты в конце концов переходят в лагерь недавних своих противников и сами, как обычно все неофиты, становятся еще более убежденными борцами за новую для них веру. Между прочим, эта борьба за торжество христианства вполне логично сочетается с укреплением христианской же государственности. В других легендах христианское начало присутствует в иной форме. Оно одухотворяет такие легенды, составляет их идеологическую основу. В подобных легендах обычно речь идет о подвигах благочестия (монашестве, отшельничестве, благотворительности), вершиной чего являются поиски Святого Грааля (как чаши евхаристии), которые увенчиваются успехом только при соблюдении определенных моральных правил и исполнении целого ряда заповедей.

Вполне понятно, что и противостояние нашествию язычников (так называемых «сарацин»), и поиски Грааля (и то, и другое — это вполне героические деяния) связаны между собой. Когда христианская государственность защищена и упрочена, можно подумать и о приобщении к христианской святине, то есть отправиться на поиски таинственной чаши Грааля. Но как бы подготовкой к ним, этим поискам, причем, подготовкой подчас совершенно неосознанной, явились многочисленные рыцарские странствия в поисках неведомых и непредсказуемых приключений — для приобретения соответствующих навыков, проверки своей силы, сноровки и находчивости, подтверждения

своего права войти в рыцарское братство, собирающееся, обычно на праздник Троицы, к Круглому Столу короля Артура и занять подобающее этому рыцарю место.

Артуровские легенды были в эпоху Средних веков не только самыми популярными, но и наиболее продуктивными. Во-первых, у них была уже удаленная в прошлое мифологическая и легендарная же основа, во-вторых, они соответствовали как утопическим настроениям средневекового рыцарства, так и политическим устремлениям высших кругов тогдашнего общества, в-третьих, своей открытостью и повествовательной конструктивностью они давали широчайший простор для создания на их основе и по их моделям все новых и новых частных легенд, вплетающихся в универсальную легенду о справедливом, величественном и героическом социуме, которым является Артурово королевство (а скорее, всемирная империя). Само собой разумеется, в этом социуме могли возникать, так сказать, «местные» конфликты, соперничества, противостояния, не затрагивающие социум в целом. Королю Артуру крайне редко приходилось вмешиваться в эти столкновения противоположных интересов и своей верховной властью наводить порядок. Иногда рассказ о таких конфликтах становился сам автономной и отчасти универсальной легендой, как произошло с повествованием о любви Тристана из Леонуа и Изольды Белокурой.

Именно артуровские легенды, в силу своей универсальности и множественности вышли за рамки Средневековья и обрели как бы новую жизнь в определенные моменты развития европейской культуры — в эпоху Возрождения, в периоды романтизма, символизма, неоромантизма и, вероятно, и позже. Показательно, что легенды о Гильоме Оранжском и даже о Карле Великом и его отважном племяннике Роланде, как более локальные — и исторически, и идеологически, — не были столь же дружно и с таким же энтузиазмом подхвачены в последующие века.

В этой небольшой книге собраны работы, посвященные лишь некоторым из легенд Средневековья. За пределами книги остались, например, легенды, тесно связанные с Ближним Востоком и его культурой (скажем, легенда о Семи мудрецах).

Написанные в разное время, но тем не менее включенные в книгу, эти работы преследовали каждый раз одну и ту же цель — выявить пути формирования средневековых легенд, особенности их функционирования и их последующую судьбу.

За последние десятилетия появилось очень большое число новых работ, посвященных легендам Средневековья. У меня не было возможности все их внимательно изучить и даже в ряде случаев просто на них сослаться. Исключения сделаны только для исследований выдающихся, да и то далеко не для всех.

В заключение мне хотелось бы с благодарностью вспомнить моих учителей, коллег и друзей-медиевистов Д. Е. Михальчи, И. Н. Голенищева-Кутузова, Б. И. Пуришева, М. И. Стеблина-Каменского, Жана-Шарля Пайена, А. Я. Гуревича, Е. М. Мелетинского, Шарля Фулона, Н. Я. Рыкову, Жанну Ватле-Виллем, Ю. Б. Корнеева.